

Глава 28

Вернувшись в Луцзятунь, Лу Ян застал двух своих отцов на грани нервного срыва, а рядом с ними — трясущегося от страха чжуаньюаня.

— Отец болен! Сразу оба! — в панике воскликнул Се Янь.

Лу Ян, словно искусный лекарь, вошел в комнату и объявил:

— Я только что встретил Ли Фэна. Он передал, что дрова доставил и уже возвращается в свою деревню. Сказал, что у них с супругом все хорошо, и велел вам не беспокоиться.

Отцы тут же ожили.

Их обмякшие тела на кане медленно выпрямились, а на лицах появился румянец.

Се Янь не понял.

Значит, отцы все-таки больше любят Ли Фэна.

Ну конечно, в деревне все любят сильных и работающих мужчин, которые могут и в поле работать. Не то что он, которому и ведро воды донести — целое испытание.

Вылечив отцов, Лу Ян принялся утешать своего чжуаньюаня.

Он только что виделся с Ли Фэном и чувствовал себя немного виноватым перед Се Янем, поэтому был терпелив.

— Испугался? Не бойся, видишь, с ними все в порядке.

На душе у Се Яня было тоскливо.

Ему казалось, будь он покрепче, его супругу не пришлось бы так тяжело.

Лу Ян прочел его мысли и добавил:

— Мне как раз такие, как ты, и нравятся.

Се Янь на мгновение обрадовался, но тут же снова сник.

Он умел быть несчастным — достаточно было сделать лицо, как у вдовца.

Лу Ян подумал и, протянув руку, коснулся тыльной стороной ладони губ Се Яня.

— Ну вот, я тебя поцеловал. Теперь ты должен быть счастлив.

Се Янь промолчал.

И так, по-твоему, утешают?

Лу Ян едва сдержал улыбку. Не хочешь по-хорошему, значит, будет по-плохому?

— Я тебя поцеловал, чего тебе еще надо? — спросил он.

И Се Янь тут же пришел в себя, словно ничего и не было.

Наблюдавшие за этой сценой отцы переглянулись.

— Снег прекратился, может, вам пора домой? — нерешительно предложил Ван Фэн-нянь.

Лу Яну нужно было зайти к дяде, и, видя, как напуганы отцы, он решил взять Се Яня с собой.

К дяде они пошли с хорошей новостью.

Из-за снегопада вся семья дяди была дома.

Были и гости, зашедшие по-соседски. Увидев Лу Яна и Се Яня, они с улыбками уступили им место, вежливо говоря, что им уже пора, но на самом деле никто не сдвинулся с места.

Лу Ян пришел с доброй вестью, и чем больше людей о ней услышит, тем лучше.

Се Янь пришел с пустыми руками, но Лу Ян позаботился о приличиях: захватил из дома миску семечек.

Зимой, когда работы мало, все любят погрызть семечки или орехи. В деревне едят экономно, и никто, приходя в гости, не станет нагло хватать полные горсти.

Мяо Цин усадил их и спросил:

— Что это вы в такую погоду пришли?

— В обычные дни некогда, а в снегопад в уезд не поедешь, — с улыбкой ответил Лу Ян. — У меня как раз дело к старшему брату Да Суну, вот и решил зайти спросить.

Когда Лу Ян приезжал в прошлый раз, он наобещал им золотые горы. Мяо Цин тогда намекнул, что если будет какая хорошая работа, пусть в первую очередь подумает о Лу Суне.

Супруг Лу Суна поднял голову, все еще не понимая:

— К Да Суну? Сейчас позову его.

— Говори, что за дело, — уже догадался Мяо Цин. — Мы же свои люди. Он все равно без дела сидит. Раз ты просишь, он все сделает в лучшем виде.

В комнате сидели в основном женщины и гээр, мужчины к ним не присоединялись.

Семья дяди жила по деревенским меркам неплохо, но это благополучие пришло, когда выросли сыновья. Когда дети были маленькими, рабочих рук не хватало, и жилось им тяжело.

Мяо Цин сказал, что Лу Сун сидит без дела, но на самом деле они с братом Лу Баем на кухне плели корзины, а их отец, Лу Да-хэ, в сарае колол бамбук на щепу.

Скоро праздники, в декабре еще можно будет съездить на рынок. Они торопились закончить работу, чтобы подзаработать хоть немного.

Лу Ян это отметил и сказал Мяо Цину:

— Дядюшка А Цин, дело такое. У Се Яня есть лавка, и мы тут пару дней скупали в деревне овощи на продажу. Идет неплохо. У селян огороды небольшие, у каждого по десять-двадцать цзиней, ради этого в уезд не поедешь. А у меня лавка, что не продам за день, могу оставить на завтра. Я хочу, чтобы старший брат Да Сун помогал мне скупать овощи здесь, в Луцзятунь. У вас как раз есть повозка, это удобно.

Плату Лу Ян уже обдумал. Когда он будет продавать овощи в лавке, он не станет сбрасывать цену за целую корзину, так что прибыль будет больше. Он готов был платить пятнадцать вэней в день.

За день Лу Сун не сильно устанет. Деревня небольшая, все, кому нужны деньги, сами принесут овощи. Ему останется только принять их, упаковать, следя, чтобы не помялись, и отвезти в лавку. Одна поездка в день — и пятнадцать вэней в кармане. А вернувшись домой, можно и дальше плести корзины.

Как от такого можно отказаться?

— Это же замечательно! — обрадовался Мяо Цин. — Это мы тебя должны благодарить!

Он тут же велел супругу Лу Суна позвать мужа.

Гости смотрели с завистью, но понимали, что такая удача им не светит. Они стали расспрашивать о ценах на овощи.

Лентяи в деревне были, но в меньшинстве. За еду нужно было платить, поэтому все, у кого была земля, старались выращивать овощи сами. Съесть все было невозможно, и каждый год они делали соленья, которые ели до следующего урожая, да еще и оставалось. Если можно было продать излишки, это было бы прекрасно.

— По поводу цен, — сказал Лу Ян, — я вам врать не буду. На рынке они стоят от четырех до шести вэней. Если сами повезете, столько и получите. Я только начинаю, и не знаю, как пойдет торговля, если овощей будет много. К тому же, у меня расходы на лавку и работников, так что я буду брать за полцены. Это как с зерном — сами продаете, получаете больше, а если все сразу, то цена, конечно, ниже. Посоветуйтесь дома, я никого не тороплю.

Мяо Цин, видя, как Лу Ян хорошо ладит с людьми, боялся, что Се Янь заскучает. Он подвинул к нему тарелку с семечками.

Но взгляд Се Яня был прикован к Лу Яну. Он лишь мельком взглянул на семечки и снова уставился на супруга.

Неожиданно он кое-что сообразил. Протянув руку, он взял горсть семечек и, не съедая ни одной, принялся неторопливо их щелкать.

Мяо Цин не понял, что он задумал, но главное, чтобы ему не было скучно.

— Нельзя смотреть только на меня, — шепнул Лу Ян Се Яню.

Отношения строятся на общении. Се Янь не умел поддерживать пустой разговор, но и ссориться тоже не умел. Эти разговоры были бессодержательны, но раз уж он решил учиться, нужно было привыкать. Слушая их, он со временем научится отделять зерна от плевел.

Се Янь слушал. Когда Лу Ян велел ему смотреть на других, он посмотрел.

Один взгляд на других, два — на супруга.

Лу Ян хотел было его отчитать, но, встретив его взгляд, не смог. Он открыл рот и неожиданно для себя улыбнулся.

— Какая у вас любовь, — заметил Мяо Цин.

— Да, он ко мне очень хорошо относится, — наконец-то нашел что сказать Се Янь.

Мяо Цин промолчал.

Всего несколько дней не виделись, а он все такой же странный.

Лу Сун с супругом вошли в комнату, их глаза сияли от радости при виде Лу Яна и Се Яня.

Он думал, что до весны будет сидеть без дела, а тут такая удача перед самым новым годом.

— Линь-гээр живет к вам ближе, почему ты его не попросил? — честно спросил он.

Мяо Цин тоже посмотрел на Лу Яна. Он догадывался, что раз Лу Сун будет скупать овощи в Луцзятунь, значит, в Шансицунь это делает кто-то другой.

— Я попросил Линь-гээр с супругом мне помогать, — с улыбкой ответил Лу Ян. — Я же говорил, что хочу продавать баоцзы. Один я не справлюсь, вот они и помогают мне месить тесто. Когда Линь-гээр наловчится лепить баоцзы, я ему и плату подниму.

Такая удача!

И Линь-гээр с супругом при деле, и Лу Сун. Уже троих из их семьи пристроил!

Мяо Цин сиял от счастья и хотел было заварить им сладкой воды.

Лу Ян с улыбкой поблагодарил, не отказываясь.

У дяди было трое детей. Взять двоих, а одного оставить — было бы нехорошо.

— Я только начал, — сказал Лу Ян Мяо Цину, — много людей мне пока не нужно. Как только появится подходящая работа, я сразу попрошу брата Эр Бая помочь.

Это было разумно. Мяо Цин, когда говорил о Лу Суне, боялся, что работа будет только одна, и заранее сделал выбор.

А раз есть еще работа, он был бы рад пристроить всех троих детей, да еще и их супругов. А если и этого будет мало, он и сам с Лу Да-хэ пойдет помогать! Кто ж от денег откажется?

Раз уж Лу Ян пришел с хорошей новостью, Мяо Цин решил поговорить с ним о продаже земли.

— Цена не очень, я хотел еще подождать, но раз ты пришел, давай посоветуемся.

Хорошая земля стоила пять-шесть лянов за му, в зависимости от торга.

Их же разрозненные участки плохой земли оценивались всего в два ляна. Шесть му, разбросанных по разным местам, интересовали только тех, чьи поля были по соседству. Они предлагали цену на авось.

Лу Ян прикинул в уме. У них оставалось чуть больше двух лянов. Весной нужно будет разводить свиней, а это риск, еще и цыплят покупать, да и на жизнь нужно оставить. Минимум четыре ляна должны быть в запасе.

Ему самому много земли было не нужно, но отцы хотели оставить хотя бы два му. По такой цене они в этом году два му не купят. Значит, нужно оставить один му плохой земли, а пять продать и на вырученные деньги купить один му хорошей. Так и деньги останутся, и на следующий год будет два му для посадок.

— Минимум один лян и восемьсот вэней за му, — сказал Лу Ян. — Ниже не отдам. Лучше пусть земля пустует. Мой Се Янь — сюцай, он освобожден от налога на землю, так что эти участки нам не в тягость.

Но если их оставить, отцы непременно будут их обрабатывать, из последних сил. Это слишком тяжело.

— Я понял, — кивнул Мяо Цин. — Сейчас же пойду поспрашиваю.

Обсудив дела, Лу Ян еще немного поговорил о пустяках и стал прощаться.

На прощание Се Янь протянул ему горсть очищенных семечек.

Вся комната рассмеялась.

— Вот что значит удачно жениться. Муж-то как заботится.

Эти слова были для Се Яня лучшей похвалой. Он никогда не знал, как проявить свою заботу о Лу Яне. Оказывается, все так просто.

Лу Ян бережно принял семечки.

Ему еще никто никогда не чистил семечки.

На обратном пути они шли, держась за руки.

Се Янь просил его съесть семечки, но Лу Яну было жалко.

— Я тебе и дальше буду чистить. Каждый день, — пообещал Се Янь.

— Твои руки слишком драгоценны, чтобы чистить семечки, — возразил Лу Ян.

Но Се Янь считал это очень важным. Все, что касалось его супруга, было бесценно, важнее, чем каллиграфия.

Лу Ян назвал его глупцом. И правда, Се Янь был глуп во всем, что касалось жизни. Но когда такой человек говорил от чистого сердца, его слова проникали в самую душу, минуя все преграды, и от них становилось тепло и немного больно.

Боже, он бесценен. Он больше не бросовый товар.

Лу Ян отвернулся от его горящего взгляда и съел две семечки.

Они были маленькие, и их вкус едва чувствовался. Лу Ян ел медленно, пытаясь распробовать их и скрыть свою внезапную уязвимость.

— Это самые вкусные семечки, что я ел, — сказал он.

Он не хотел показывать свою слабость, но в этот момент он был как никогда беззащитен.

Се Янь смотрел на него, и в его сердце зарождалось новое, незнакомое чувство.

Когда они уезжали, отцы вышли их проводить.

— Все хорошо, не волнуйтесь, — еще раз заверил их Лу Ян.

Повозка покинула Луцзятунь и выехала на дорогу, ведущую в Шансицунь.

Вечером, въехав в деревню, Лу Ян по пути вернул повозку Ша Чжу.

Матушка Ша Чжу встретила его с распростертыми объятиями.

— Овощи все пересчитаны, мы и своих немного собрали. Когда в уезд повезешь?

Раз уж в снегопад ходят в гости, то и торговать можно.

— Завтра, — ответил Лу Ян.

Услышав это, матушка Ша Чжу улыбнулась еще шире и принялась ругать семью Сунь Эр-си:

— Бессовестные! Взяли у вас деньги, а теперь отпираются. Я им пару слов сказала, так они еще и возмущаться начали, сегодня пришли со мной ругаться. Я им предложила пойти к вам и разобраться, так они не посмели. Явно совесть нечиста.

Лу Ян все понял: это курицы болят. И чиновников боятся.

Он усмехнулся.

— Наглости им не занимать. Это у вас семья большая и сильная. Другие бы побоялись с такими связываться.

Эти слова были бальзамом на душу матушки Ша Чжу. Когда Лу Ян собрался уходить, она поделилась с ним новостью:

— Говорят, староста тоже к ним ходил, так его выгнали, он злой как черт ушел. Потом пошел к Се Лао-сы, но, похоже, и там ничего не добился. Семья Се Лао-сы целый день ругается.

Се Лао-сы довел Се Яня с матерью до такого состояния, что совесть у него давно пропала. Чего ему бояться старосты?

Лу Ян неопределенно хмыкнул.

Справиться с таким проще простого.

— Спасибо, тетушка, — попрощался он. — И мула вашего утомил. Завтра продам овощи и принесу вам денег в благодарность.

Продажа овощей — дело обычное, но матушка Ша Чжу радовалась так, словно нашла клад.

Лу Ян повел Се Яня домой.

— Хорошо нарисованный пирог и собаку с пути собьет, — сказал он.

Се Янь, видевший, как его супруг ощипывает кур, промолчал.

Зимой темнело рано, и Чжао Пэй-лань уже готовила ужин.

Еды было на троих. Лу Ян заглянул на кухню, увидел, что все овощи уже подготовлены, и оставил Се Яня помогать матери топить печь, греться и разговаривать.

Сам же он пошел проверить запасы воды и дров. Дров оставалось дня на три-пять. Вода в бочке была на дне, нужно было нести.

Лу Ян, в своем стиле деревенского задиры, взял коромысло и два ведра и пошел к дому старосты, где громко позвал Сань Гуя.

Сань Гуй вышел, дрожа от страха, и спросил, что ему нужно.

Отец Сань Гуя, староста, тоже вышел. Увидев в руках Лу Яна ведра и коромысло, он все понял.

Ему было досадно, и он накричал на сына:

— Не видишь, у супруга Лу ведра? Помочь не можешь?

Он был раздосадован. И угораздило же семью Се женить сына на таком бойком супруге.

Сань Гуй, бормоча что-то неразборчивое, подбежал, взял коромысло и ведра и пошел к реке за водой.

Лу Ян пошел с ним.

— Не торопись, — сказал он. — Зайдем сначала к Ша Чжу.

— А? — не понял Сань Гуй. — Зачем к ним?

— Боюсь, ты устанешь, — с притворной заботой ответил Лу Ян.

Сань Гуй испугался и не смел даже поднять на него глаза.

Когда они во второй раз проходили мимо дома Ша Чжу, Лу Ян молчал и не велел Сань Гую

никого звать.

Но в семье Ша Чжу было много народу, один увидел — и все узнали.

Вскоре Ша Чжу с коромыслом догнал их у реки и стал помогать носить воду.

Лу Ян с улыбкой спросил, не устали ли они.

Они не смели устать.

Раз не устали, можно и к дому Эр-си заглянуть.

Семья Эр-си уже натерпелась от деревенских сплетен и на своей шкуре ощутила то, что приходилось терпеть семье Се: денег не брали, а все говорят, что взяли. Обидно.

Теперь трое, которых Лу Ян побил в тот день, кроме самого Эр-си, наперебой старались ему угодить. Эр-си, который хотел ударить Лу Яна, отставал от них.

Вскоре и его семья выгнала носить воду.

Бочка была небольшая. Втроем они быстро наполнили две бочки.

Лу Ян велел им наколоть дров. Но в их доме дров почти не было, что колотить?

Ша Чжу, который лучше всех понял Лу Яна, вызвался первым:

— Я из дома принесу!

— И я принесу! — тут же подхватил Сань Гуй.

Лу Ян посмотрел на Эр-си.

Сунь Эр-си был худым и высоким, немного сутулым, с длинным лицом, большим носом и глазами с видимыми белками под радужкой — недобрый взгляд.

Он некоторое время молча смотрел на Лу Яна, а потом сказал:

— Я тоже из дома принесу.

— Не хочешь — не надо, — сказал Лу Ян.

Но Сунь Эр-си хотел. Воду же носил, что ему, дров жалко?

Он не стал спорить с Лу Яном и ушел.

Вечером в доме Се было оживленно. Ша Чжу, который первым все понял, принес две полные вязанки дров.

Сань Гуй, который во всем ему подражал, не хотел отставать. У него был отец-староста, и он понимал, что спешка нужна при ловле блох. Видя, что Ша Чжу принес только одну вязанку, он смекнул что к чему, вернулся домой, позвал старшего брата, и они принесли две большие охапки дров. Меньше, чем две вязанки, но больше, чем одна.

Ша Чжу и Сань Гуй обменялись враждебными взглядами и в углу, где их, как они думали, никто не видит, начали спорить.

Отстававший от них Сунь Эр-си, чтобы реабилитироваться, привез целый воз дров.

Ша Чжу и Сань Гуй остолбенели.

Вышедшие с мисками поглазеть на это селяне ничего не понимали и только перешептывались.

— Что, договорились? Супруг Лу не будет заявлять в управу?

— Наверное, дровами долг отдают. Вы не слышали? Эр-си четыре ляна взял!

— А Ша Чжу и Сань Гуй при чем?

— Они тоже взяли, конечно. Иначе чего бы так старались?

...

Родственники Сунь Эр-си, смешавшись с толпой, переводили стрелки на семьи Ша Чжу и Сань Гуя. А сам Сунь Эр-си испепелил Ша Чжу взглядом.

Ша Чжу все понял. Только Сань Гуй остался в дураках.

Как так, принес дрова, а еще и должником оказался?

Лу Ян наблюдал за всем этим и, бросив небрежное «спасибо», велел им идти ужинать.

Се Янь стоял у входа на кухню, смотрел на три кучи дров и снова бросал на Лу Яна восхищенные взгляды. Его супруг был просто невероятен.

— Пойдем ужинать, — сказал Лу Ян, взяв своего чжуанъюаня за руку.

Настроение Чжао Пэй-лань заметно улучшилось. Хотя денег в семье не прибавилось, а на новое дело уходило много средств, к ним больше никто не приходил ссориться, ей не нужно было жить в страхе, выслушивать оскорбления и терпеть унижения.

Она все еще немного побаивалась Лу Яна, уж слишком он был силен. Но она знала, что он хорошо к ним относится, и на ужин расщедрилась: больше не готовила два яйца на троих.

Каждому досталось по яичнице. Яичница была жирной, золотистой и блестела от масла.

Чжао Пэй-лань нервно сжимала палочки.

Деньги в семью приносил Лу Ян, и она боялась, что он будет ругать ее за расточительство.

Но Лу Ян был очень рад.

— Спасибо, матушка. Я так люблю яичницу!

В доме Се он почувствовал себя человеком.

Живым человеком, которому за столом полагалась своя доля, как и всем остальным.

Он не был скотиной, которую кормят теми же помоями, что и мула.

Как же хорошо.

Ему нравился его новый дом.

<http://bllate.org/book/16991/1587210>